

Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков¹

Конявская Е.Л.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, *ekonyavskaya@gmail.com*

В статье рассматриваются высказывания относительно конца земной жизни в договорных грамотах русских князей XIV–XV веков, приобретающие со временем характер общих мест и формул. Показано, что в таких актах проявляются повседневные танатологические представления русских правителей. В них отражено убеждение в том, что завершение человеческой жизни в руках Божиих. В сознании князей конечность жизни человека сочеталась с продолжением жизни рода.

Ключевые слова: договоры русских князей, нормы статей, танатологические представления русской элиты в период средневековья.

Для цитаты:

Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030203

For citation:

Konyavskaya E.L. The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV - XV centuries [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030203

В отличие от духовных (душевных) грамот русских князей – завещаний – где мысль о том, что будет после кончины пишущего, была главной, докончальные – договорные – грамоты касались этой тематики лишь локально. Тем не менее, они являются не менее ценным источником при изучении танатологических представлений русского человека периода средневековья², поскольку они отражают в данном случае ментальную повседневность – без накала эмоций в ожидании возможно близкой кончины и мистических настроений. Высказывания в докончальных грамотах о конце земной жизни звучат в связи с описанием норм, которые будут действовать в случае смерти одного из заключающих договор князей.

При рассмотрении этих мотивов в княжеских договорах можно выделить несколько аспектов.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-04-00523 “Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».

² См. из последних фундаментальных работ об этом: [1].

В первую очередь, интересны сами выражения, в которых говорится о приходе кончины того или иного лица. Неизменно подчеркивается, что жизнь и смерть человека – в руках Божиих. Наступит день, когда Господь «отымет» или «отведет» князя от этой жизни:

«...кол(о) из нас Б(ог)ъ отведем, печаловатиса кнагиною его и дѣтми, как при животѣ, так и по животѣ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1. Договор великого князя Симеона Ивановича с братьями звенигородским князем Иваном и серпуховским князем Андреем. 1348 г.)

«А ѡиметь, г(о)с(поди)не, Богъ мене, и тобѣ, г(о)с(поди)не, великому кн(а)зю, | в мою шчину не вѣступатис(а), ни твоимъ дѣтемъ под моими дѣтми» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27. Договор великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем);

«А отоимет Б(о)гъ тоба, брата моего молодшего, кн(а)за Васил(ь)ѣ Ярославич(а), | и мнѣ, великому кн(а)зю, и моим дѣтем под твоею кнагиною и под твоими дѣтми твоего оудѣла... ни вѣступатиса, ни моим дѣтем...

...А отоимет Б(о)гъ мене, великого кн(а)за, и тобѣ, брате, имѣти с(ы)на моего в мое мѣсто» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 37. Договор великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем);

«А ѡ(ъ)имет Б(ог)ъ которол(о)ѡ нас, и вам, | брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими | дѣтми по живот (ѣ) по нашем» (РНБ. Q. XVII. 58. Л 51об. – 55. Копия 70-х г. XV в. Договор великого князя Василия Дмитриевича с тверским великим князем Михаилом Александровичем. 1399 г.);

«А ѡ(ъ)имет Б(ог)ъ которол(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) нашими кнаинами | и нашими дѣтми» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 39. Л. 1. Договор московского великого князя Василия Васильевича с тверским великим князем Борисом Александровичем. 1454–1456 г.).

Большая часть примеров взята из внутренних договоров московских князей, но два последних представляют внешнеполитические договоры московских князей с тверскими.

В первом примере – из договора Симеона Ивановича (Гордого) с братьями, как отмечалось В. А. Кучкиным, о смерти кого-то из братьев, которые были достаточно еще молоды, говорится не просто из предусмотрительности, а потому, «что ожидалась война, в которой должны были принять участие младшие братья Симеона и на которой могло случиться всякое» [5, с. 152].

Такая формула может применяться и по отношению к будущему преставлению третьего лица. Например, в Договоре 1496 г. рязанских князей братьев Ивана и Федора Васильевичей читается: «А штоиметъ Богъ матеръ нашѣ, и та четверть моя и есть со всѣмъ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 76-77.).

Относительно же грядущей кончины участников соглашения в Договоре рязанских князей говорится прямо:

«А по грѣхом, г(осподи)не, штоимет Б(о)гъ теба, великол(о) кн(а)за, ѡ нас и мнѣ, г(осподи)не, под твоими дѣтми великол(о) кн(а)жен(ь)ѣ не хотѣти, ни моим дѣтем, и блюсти, и не обидети, ни вѣстѣпатис(а).

... А штоимет Б(о)гъ меня, и тобѣ, г(осподи)не, великому кн(а)зю, в мою ѡчину не вѣстѣпатис(а), и твоим дѣтем под моими дѣтми».

При этом имплицитно подразумевается и возможная ранняя смерть малолетнего сына Ивана:

«А не бѹдет, г(осподи)не, Ѹ теба дѣтеи, и тебѣ, великомѹ кн(а)зю, великим кн(а)жен(ь)ем благословити мена, своел(о) брата».

Впрочем, как отмечал В. А. Кучкин, очевидно, что эта статья была составлена для проформы, чтобы при якобы равных условиях великий князь мог получить выморочные владения брата [7, с. 100].

Из ряда вышеприведенных цитат можно видеть, что зачастую к мысли о Божием промысле относительно конца жизни человека добавляется мотив «по грехом нашим»:

«А по грехом, г(о)с(поди)не, Б(о)гъ | ѿведет по нашим тоба, а нам, г(о)с(поди)не, тол(о) всел(о) то кже [по]д твою кна(ги)нею и под твоими дѣтми блюсти, а не шбид(е)ти» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I рубр. II № 11. Договор великого князя Василия Дмитриевича с князем можайским Андреем Дмитриевичем и князем дмитровским Петром Дмитриевичем. 1403–1406 г.).

«А по грѣхомъ, г(о)с(поди)не, ѿиметь Богъ тебе, великого кн(а)за, ѿ нас, и мнѣ, г(о)с(поди)не, под твоими дѣтми великого кнаженя не хотѣ|ти, ни моимъ дѣтемъ, и блюсти, и не шбидѣти, ни вступати с(а)» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27. Договор великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем. 1447 г.).

Предполагается, что в грехи, вызывающие уход из жизни одного из князей, впадают другие князья, а не он сам. Однако не стоит относить эти формулы насчет серьезных убеждений составлявших договоры. Божественный промысел в отношении жизни и смерти человека определялся не желанием наказать других. Такая формула была призвана показать, сколь высоко ценят и чтят младшие князья старшего (великого) князя.

В одном случае – во втором договоре Дмитрия Донского с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем – мы встречаем иную формулу, которая свойственна не договорным, а духовным грамотам: «А ци Б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоём, о братѣ...» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4. Копия XV в.). Здесь возможность кончины княжеского сына рассматривается не только как факт, имеющий отношение к жизни других людей, но и как решение Господа, «размыслившего» о его жизни и судьбе.

В некоторых случаях отмеченные выше формулы заменяет выражение «по животе» как более простое – в более частных моментах (так, впрочем, это делается и в завещаниях): «А по животѣ кто из бояръ и слугъ иметь служити оу наших кнагинь и у дѣтии...» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1), «А по ее животѣ Заачьковъ мнѣ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4. Копия XV в.).

С последним выражением непосредственно связан другой аспект упоминаний конечности земной жизни в княжеских договорах – это отмечаемая граница действия тех или иных его норм. Часто она определяется как «до живота» – т. е. до кончины договаривающихся. В большинстве случаев эта формула используется для определения срока действия самого общего и принципиального условия договора, например: «Быти ны заодинъ до живота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1); «Быти нам заодин | до своел(о) живот(а)» (РНБ. Q. XVII. 58. Л. 25 об. – 26 об. Договор великого князя Василия Дмитриевича с князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем). «А целован(ь)ѣ не сложити и до живота» (РГАДА, Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 3. Копия первой половины XV в.). В. А. Кучкин отмечал, что «указание на единение до самой смерти помещалось в докончальных грамотах родных братьев, соглашения же братьев двоюродных констатировали только единство» [8, с. 40]. Возможно, это правило уже не соблюдалось в XV веке. По крайней мере, мы встречаем подобную формулу в договорах

великого князя Василия Васильевича Темного с Дмитрием Юрьевичем Шемякой: «Быти ти, брате, со мною, с великим князем, вездѣ зашдин и до своел(о) жывота. А мнѣ, великому князю, быти с тобою вездѣ зашдин и до своел(о) жывота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 20. 1441–1442 г.) и его же договоре с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем: «И быти ми, г(о)с(поди)не, с тобою, с великим кн(а)земъ, вездѣ зашдин и до живота на всакого | недруга, и с твоими дѣтми, и моимъ дѣтемъ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27). Здесь грань действия статьи отодвигается за пределы жизни заключающих договор, поскольку речь идет о том, что дети обоих князей будут «заодин» и после смерти их отцов.

В договорных грамотах идут ссылки на порядок прежних поколений – отцов и дедов: «какъ было при нашем дѣдѣ... и при наших отцѣхъ» [4]. В этом смысле история рода, жизнь рода в целом все время присутствуют в сознании составляющих договор, и жизнь, и смерть каждого члена княжеского дома – лишь одно из звеньев непрерывной и уходящей в будущее цепи – жизни рода. Будущее же представлено в такого рода договорах поколениями детей и внуков, взаимоотношения которых также регламентируется вводимыми нормами.

Понятно, что отмеченные формуляры не являются обязательными и характер текста может зависеть не только от традиции, но и от личности составляющего договор, возраста и обстоятельств его жизни.

Так, в Договоре 1348 года Симеона Ивановича (Гордого) с братьями фиксируются обстоятельства заключения договора. Докончание начинается со слов: «Се азъ, князь великий Семень Иванович всея Рус(и), со своею брат(ь)ею с младшею, со княземъ съ Иваном и с княземъ Андрѣемъ целовали есмы межи себе кр(е)сть оу отня гроба». Выбор места принятия договора, безусловно, придает ему особую значимость, акт приобретает некую сакральность, что подчеркивается повторением этого мотива начальных строк в последних строках договора: «На семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть межи себе у отна гроба, по любви, в правду» (РГАДА. Ф. 135. Отд.1. Рубр. II. № 1).

В историографии отмечалось, что эти тексты в договоре не означают, что сыновья заключали докончание уже в момент похорон отца (да и акт сегодня датируется не 1340, а 1348 годом [6, с. 24]). Но сам факт заключения договора у могилы отца в построенном последним московском Архангельском соборе придавал авторитет как самой процедуре (которую М. М. Щербатов, например, назвал «присягою» [10, с. 376], а Н. М. Карамзин – «клятвой» [3, с. 150 и с. 340, гл. X, вар. 2–2.]), так и документу.

Возможно, столь торжественно обставленная процедура и, соответственно, форма договора нужны были, чтобы скрыть истинный характер акта, в котором великий князь предстает, по словам В. А. Кучкина, «ломавшим порядки, завещанные Иваном Калитой, и выступавшим по отношению к Ивану и Андрею в роли не столько старшего брата, сколько в роли господина великого князя всея Руси» [5, с. 175]. Но, учитывая особенности и духовной грамоты Симеона (РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 3), где также много высоких, прочувствованных слов, что не свойственно другим княжеским завещаниям XIV века, включая грамоты его отца и брата, допустимо отнести эти особенности насчет личности самого Симеона, который, возможно, был человеком сентиментальным, а может быть, просто доверял составление документов лицу, имеющему такие свойства.

Есть ряд договоров, где никак не оговаривается характер его действия, если наступит смерть одного из князей, не отмечается таким образом граница договора («до живота»), отсутствуют указания на пролонгацию норм на следующие поколения. Это Договор 1427 года великого тверского князя Бориса Александровича с его дедом великим князем литовским Витовтом (РГАДА. Разряд XXVII. Приказ Тайных Дел. № 2), его же с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, со стороны последнего уже совершенно вассальный (а не родственник)

(РНБ. Q. XVII. 58. Л. 47–48), а также, как неоднократно отмечалось в литературе, практически текстуально совпадающий с ним Договор Витовта с Иваном Владимировичем Пронским (РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58). Два последних акта датируются примерно тем же временем, что и тверской [2, с. 394–395]. Резонно думать, что их характерные особенности связаны с тем, что указанные dokonчания заключались в последние годы жизни Витовта, когда он был в весьма преклонном возрасте и при этом не имел сыновей [9, с. 129].

Если сравнивать эти акты с внешнеполитическими договорами русских князей с литовскими правителями в более позднее время, то картина будет отличаться. В договоре с великим князем Казимиром князей новосильских и одоевских (Ивана Юрьевича, Федора и Василия Михайловичей) говорится о том, как будут обстоять дела, когда «што Богъ вчинит над нами», «по нашомъ животе», фиксируются взаимоотношения их детей с тем, «хто бѣдетъ на Литовъскои земли г(о)с(по)д(а)ремъ» (РГАДА. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 291об. – 292. 1459 г.). Все последующие акты как великих, так и удельных князей с Казимиром, подобных формул не содержат, но в договоре Василия Васильевича с этим правителем указано, что между ними взято «вечное dokonчание» (РГАДА. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 194–196. 1449 г.). Но эти формулы и мотивы есть в договоре с сыном Казимира Александром Ивана III 1494 г. Здесь неоднократно упоминается судьба детей с обеих сторон (Ивана Васильевича – имеющих, а Александра – которых «дасть Богъ») после того, как одного из правителей «Б(о)гъ возмет с сегw свѣта». Таким образом, какая-то явная тенденция во внешнеполитических договорах не просматривается.

Внутренние же договоры связь наличия или отсутствия подобных временных указаний, касающихся жизни и ее окончания, с возрастом и обстоятельствами жизни участников договора обнаруживают. Показательны dokonчания Дмитрия Ивановича (Донского) с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. Первый договор они заключали еще юношами, в нем нет никаких упоминаний о возможной смерти кого-то из них, равно как и указаний на нормы для потомков (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 2). Во втором договоре 1372 года, сохранившемся фрагментарно, все вышеотмеченные мотивы и формулы присутствуют. Основные положения должны действовать «до живота», и то же касается детей: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4). В третьем договоре, составленном в год кончины Дмитрия Ивановича, формулы «до живота» не читаются, прямых высказываний относительно того, какие нормы будут действовать после смерти двоюродных братьев, нет, но дети князей упоминаются неоднократно, причем особо сказано о старшем сыне Дмитрия – Василии, который должен стать преемником Дмитрия на великокняжеском столе: «А на семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть ѣзъ, княз(ь) великий Дмитр[еи] Иванович, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василеи, и за свои дѣ|ти ко князю Володимеру Ондр[ѣви ч]ю и къ его дѣ[тем]. А княз(ь) Володимеръ Ондрѣви ч цело|валъ кр(е)сть ко мнѣ, ко князю великому, и къ моему с(ы)н[у, ко] князю к Василью, и къ моимъ дѣтем, | и за свои дѣти, по любви, въ правду, безъ всакие х[ит]рости» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 7).

Таким образом, договорные грамоты русских князей XIV–XV веков дают хотя не разнообразный, но важный материал о характере повседневных танатологических представлений русской элиты этого времени. Не касаясь в них посмертной судьбы души – собственной и близких – князья заботились о благополучии своих потомков, стремясь при смертности каждого сохранить бессмертие рода, по словам Симеона Гордого, «чтобы не перестала память роди<те>лии нашихъ и наша, и свѣ|ча бы не оугасла» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 3).

Конявская Е.Л.
Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей
XIV – XV веков
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 23–30.
doi: 10.17759/langt.2016030203

Konyavskaya E.L.
The topic of the end of life in the treaty
ratification of the Russian princes in the XIV
- XV centuries
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 23–30.
doi: 10.17759/langt.2016030203

Литература

1. *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности / Отв. ред. А. А. Дубровин. Сер. Памятники русской письменности XI-XVII вв.: исследования и публикации. М.: Кругъ, 2004. 351 с.
2. *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 294–295.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. 4.
4. *Конявская Е.Л.* Хронологические вехи и расчеты в древнерусских летописях и актах // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика Л. В. Милова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 133–138.
5. *Кучкин В.А.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. VIII. С. 101–175.
6. *Кучкин В.А.* Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.
7. *Кучкин В.А.* К характеристике рязанского договора 1496 г. // Восточноевропейский средневековый город. Рязань, 2012. С. 90–101.
8. *Кучкин В.А.* Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 11–64.
9. *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.
10. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III.

The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV - XV centuries

Konyavskaya E.L.,

Doctor in Philology, Leading Researcher of the Institute of Russian History, RAS,
ekonyavskaya@gmail.com

The article deals with the statements in connection with the end of life on the Earth in the treaty ratification of the Russian princes in XIV-XV centuries, which were acquiring (had been acquiring) with the lapse of time the nature of commonplaces and formulas. It is shown that in such acts occur daily thanatological representations of the Russian rulers. They reflect a belief about the end of human life in God's hands. Finiteness of human life in the mind of the princes was combined with the continuation of the procreation of life.

Key Words: treaties of the Russian princes, rules of articles, thanatological representations of the Russian elite in the Middle Ages.

References

1. *Dergacheva I.V.* Posmertnaya sud'ba i «inoy mir» v drevnerusskoy knizhnosti / Otv. red. A. A. Dubrovin. Ser. Pamyatniki russkoy pis'mennosti XI-XVII vv.: issledovaniya i publikatsii. M.: Krug", 2004. 351 p.
2. *Zimin A.A.* O khronologii dukhovnykh i dogovornykh gramot velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. // Problemy istochnikovedeniya. M., 1958, Vyp. 6. pp. 294–295.
3. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M.: Nauka, 1992. T. 4.
4. *Konyavskaya E.L.* Khronologicheskie vekhi i raschety v drevnerusskikh letopisyakh i aktakh // Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoe vremya. Vyp. 4. Chetvertye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2015, pp. 133–138.
5. *Kuchkin V.A.* Dogovor 1348 g. velikogo knyazya Simeona Ivanovicha s brat'yami Ivanom Zvenigorodskim i Andreem Serpukhovskim // Srednevekovaya Rus'. M., 2009. Vyp. VIII. pp. 101–175.
6. *Kuchkin V.A.* Dogovor Kalitovichy // Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin. M., 1984. pp. 16–24.
7. *Kuchkin V.A.* K kharakteristike ryazanskogo dogovora 1496 g. // Vostochnoevropeyskiy srednevekovyy gorod. Ryazan', 2012. pp. 90–101.

Конявская Е.Л.

Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей
XIV – XV веков

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

Konyavskaya E.L.

The topic of the end of life in the treaty
ratification of the Russian princes in the XIV
- XV centuries

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

8. *Kuchkin V.A.* Pervaya dogovornaya gramota Dmitriya Donskogo s Vladimirom Serpukhovskim // *Zvenigorod za shest' stoletiy*. M., 1998. pp. 11–64.
9. *Polekhov S.V.* Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya vojna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka. M.: Indrik, 2015. 712 p.
10. *Shcherbatov M.M.* Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen. SPb., 1774. T. III.